

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КЛАСТЕРОВ НА ПРИМЕРЕ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

THE HISTORY OF THE EMERGENCE OF AGRICULTURAL CLUSTERS ON THE EXAMPLE OF WESTERN EUROPE

Yu. Mindlin

Summary. Clusters and the spatial concentration of economic development are topics that have come up more and more in recent discussions of social and economic history. This article aims to foster an interdisciplinary intersection of theories and ideas between economic geographers and historians and focuses on the development of several agribusiness industries (dairy, horticulture, olive oil and agricultural machinery) in Southwest and Northwest Europe over the past two centuries. These five case studies reveal and analyze the links and interdependencies between economic agents, knowledge institutions and government in the agri-food chain.

This analysis leads to four main conclusions. First, not only natural conditions, but also other economic determinants, such as easy access to markets, played an important role in the formation of regional economic clusters. Social and cultural ties between individuals and organizations, which formed over time and were associated with geographic proximity, were also important. Second, governments, entrepreneurs and stakeholders, which are deeply rooted in the history of the region, have often collaborated and spurred cluster development through regulatory frameworks, educational and scientific policies. Third, not only consensus, but also disagreement and competition can contribute to the clustering of economic activity. Finally, understanding the importance of linkages between clusters and actors outside the region requires a multiscale perspective.

Keywords: agricultural clusters, agribusiness, farms, regional economy.

Миндлин Юрий Борисович

*К.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина»
mindliny@mail.ru*

Аннотация. Кластеры и пространственная концентрация экономического развития — это темы, которые все чаще и чаще всплывают в последних дискуссиях по социальной и экономической истории. Эта статья призвана способствовать междисциплинарному пересечению теорий и идей между экономико-географами и историками и фокусируется на развитии нескольких отраслей агробизнеса (молочная промышленность, садоводство, оливковое масло и сельскохозяйственная техника) в Юго-Западной и Северо-Западной Европе в течение последних двух столетий. Эти пять тематических исследований раскрывают и анализируют связи и взаимозависимости между экономическими субъектами, институтами знаний и государством в агропродовольственной цепочке.

Этот анализ приводит к четырем основным выводам. Во-первых, в формировании региональных экономических кластеров большую роль играли не только природные условия, но и другие экономические детерминанты, такие как легкий доступ к рынкам. Социальные и культурные связи между отдельными людьми и организациями, которые формировались с течением времени и были связаны с географической близостью, также были важны. Во-вторых, правительства, предприниматели и заинтересованные организации, которые прочно укоренились в истории региона, часто сотрудничали и стимулировали развитие кластеров с помощью нормативно-правовой базы, образовательной и научной политики. В-третьих, не только консенсус, но и разногласия и конкуренция могут способствовать кластеризации экономической деятельности. Наконец, для понимания важности связей между кластерами и субъектами за пределами региона необходимы многомасштабные перспективы.

Ключевые слова: сельскохозяйственные кластеры, агробизнес, фермерские хозяйства, региональная экономика.

Влияние промышленной революции на сельское хозяйство привело к появлению новых методов переработки сырья: ручные технологии производства были заменены механическими технологиями, приводимыми в движение паром. В результате финансовые и организационные связи между сельским хозяйством и продовольствием активизировались перерабатывающая промышленность (часто называемая агропромышленностью). Термин «Агробизнес», распространенный в настоящее время, относится к взаимозависимости между ними и иллюстрирует размытие разделительной линии между «первичным»

и «вторичным» секторами. Агробизнес в Европе начался примерно в 1850 году, когда начала развиваться агропромышленность. Сам термин был введен в Европе из Соединенных Штатов в начале 1960 — х годов [13]. Он был в основном сосредоточен в таких сельскохозяйственных секторах, как молочная, картофельная, мукомольно-крупяная, сахар, производство мяса, консервная промышленность, оливковое масло и другие товары, где продукция могла быть переработана промышленным способом. Однако в настоящее время он относится к более крупному сектору, включающему экономическую деятельность как на входной, так

и на выходной сторонах фермы. Агробизнес подталкивал фермеров в сторону банкиров, транспортников, агрохимической и агрофармацевтической промышленности, знаний и (государственных или частных) институтов сферы услуг. Ферма превратилась из автономного субъекта в небольшое звено в цепи производства продуктов питания [12].

Разнообразие субъектов и кластеризация, вовлеченные в агробизнес, делают этот вид деятельности подходящим для исследования взаимосвязей между различными звеньями «экономической цепи». Прежде всего, Агробизнес вырос из местных условий, и географическое соотношение между производителями и переработчиками сельскохозяйственной продукции сыграло важную роль в возникновении агропромышленности. Близость субъектов является существенным аспектом в развитии агробизнеса. И можно предположить, что на эту географическую корреляцию также повлияли социальные и/или культурные аспекты.

Эта статья объединяет пять тематических исследований, в которых внутренняя динамика экономических секторов объясняется (имплицитно или эксплицитно) вопросами близости между субъектами [24]. В нем представлены региональные тематические исследования из Испании, голландских провинций Фрисландия и Лимбург, а также Западной Швеции. В этом введении мы представляем и раскрываем концептуальную структуру, которая связывает их вместе. Эти материалы ясно показывают, почему исследования кластеров и экономической деятельности ценны не только для изучения истории сельских районов и продовольствия, но и для экономической и социальной истории в целом. Они показывают, что экономические отношения коренятся в региональных условиях, и дают примеры того, как интерпретировать эти территориальные условия. Показано, что социальные и культурные связи, заложенные в истории региона, оказывают влияние на процесс экономического развития отдельных отраслей экономики. Кроме того, в большинстве тематических исследований подчеркивается важная роль государства. Правительства стимулировали географическую концентрацию экономической деятельности с помощью нормативно-правовой базы и образовательной и научной (региональной) политики.

Один из способов подчеркнуть актуальность этого специального вопроса — начать с общей проблемы связности. Многие из тех, кто хочет разобраться в этом сложном процессе, начнут с выявления наиболее важных действующих лиц, а затем спросят, как они повлияли друг на друга. Рассматривая эволюцию агробизнеса как пример сложного исторического процесса, мы можем выделить различные экономические и вза-

имозависимые субъекты, будь то отдельные лица или отдельные организации/институты. В дополнение к (1) фермерам и (2) их поставщикам машин, саженцев и т.д., (3) пищевая промышленность занимает центральное место в сети. Другими агентами в агробизнесе являются (4) финансисты, (5) институты знаний как новаторы, (6) потребители и потребительские организации, (7) дистрибьюторы и (8) правительственные организации. С точки зрения фермера, поставщики, а также финансисты, институты знаний и правительственные учреждения относятся к входящей стороне, в то время как другие субъекты в основном концентрируются на выходной стороне. Однако историческое развитие отношений внутри агробизнеса гораздо сложнее, чем ограниченное измерение фермера.

Для того чтобы понять взаимные отношения, связанные с производством продуктов питания, используется метафора «цепи» [25]. Растущая литература о пищевых цепочках подчеркивает необходимость изучения властных отношений внутри цепочек экономической деятельности. Отношения и их развитие, изменение во времени — это процесс со своей собственной (положительной и отрицательной) динамикой. В течение двух предыдущих столетий пищевая цепочка претерпела фундаментальные изменения. В литературе выделяют четыре основных процесса. Во-первых, удлинялась пищевая цепь или система, а значит, увеличивалось число промежуточных звеньев. Во-вторых, происходил процесс дифференциации. Отдельные звенья цепи становились все более сложными. В-третьих, происходил процесс интенсификации. Взаимозависимость различных звеньев становилась все больше, и система становилась все более тесно взаимосвязанной. Наконец, произошел сдвиг власти. Ученые подчеркивают, что в XX веке крупные компании и супермаркеты стали все более доминирующими в агробизнесе [4].

Долгое время фермерские хозяйства имели прямую связь с рынком. Сами фермеры или торговцы продавали свою сельскохозяйственную продукцию на рынке, непосредственно потребителям, но эта ситуация изменилась с XIX века и далее, параллельно с индустриализацией. Эта «классическая» модель трансформировалась в течение следующего столетия в то, что Бруно Бенвенути назвал моделью TATE (Technical Administrative Task Environment). Агропромышленники, банки и правительство начали «окружать» ферму. Их влияние на фермеров и сельскохозяйственную политику неуклонно росло. Вертикальная организация этой цепи относительна. В большинстве случаев в цепочке доминирует одна организация (часто транснациональная компания), но отдельные ее звенья способны переходить в другие цепочки. Этот способ сетевого взаимодействия является, по сути, продолжением спец-

ифических форм кластерных систем агробизнеса, которые существуют уже более длительное время. Местные условия (такие как почва, климат, доступ к рынкам) стимулировали рост специфической сельскохозяйственной деятельности (см. также региональную модель землепользования фон Тунена), которая легла в основу развития агропромышленной деятельности [18]. В то же время появились новые инициативы и экономические субъекты, которые удовлетворяют новые потребности фермеров и фирм, таких как институты знаний и производители сельскохозяйственной техники и других ресурсов. Например, в бывших торфяных колониях в северной части Нидерландов во второй половине XIX-первой половине XX века развивались и таким образом взаимосвязывались по меньшей мере четыре агропромышленные отрасли (молочная, сахарная, картофельная мука и соломенная доска).

Концептуальная модель агропромышленного комплекса как сеть открывает интересные исследования Бенвенути, перспективы и возможности исследования взаимных взаимозависимостей различных участников пищевой цепи. Одной из таких перспектив являются уже упомянутые географические измерения сетей. Концентрация предприятий, в том числе агробизнеса, часто происходила в городах, поселках и агломерациях. Основными факторами, обуславливающими такую концентрацию, были наличие природных ресурсов, рабочей силы и инфраструктуры, таких как порты или хорошо развитые потребительские рынки. Кроме того, современный рост и развитие связаны с инфраструктурой знаний, которая может быть закреплена и в региональных условиях [5]. Однако пространственная концентрация факторов производства, включая знания, почти очевидна. Фактически, связь между пространственной близостью и экономическим развитием оспаривается среди экономико-географов.

В различных публикациях итальянский профессор региональной экономики Роберта Капелло предложила парадигматическую альтернативу неоклассическому взгляду на экономическое пространство. Она сформулировала этот новый подход как «диверсифицированную реляционную» концепцию пространства, возникшую за счет «единой абстрактной» концепции. Последняя, доминировавшая в экономической науке в течение XX века (и все еще влиятельная), использует макроэкономические модели для объяснения региональных явлений. Она основана на неоклассической теории регионального роста. Начиная с 1970-х годов этот подход подвергался критике за игнорирование специфических (иногда уникальных) условий внутри регионов. Поэтому был разработан целый ряд «диверсифицированных реляционных» теорий, подчеркивающих особые аспекты региональных экономик. Эти

теории пытаются «идентифицировать все материальные и нематериальные элементы в локальной области, которые определяют ее долгосрочную конкурентоспособность (...)» [22].

Кластерные теории были одним из наиболее влиятельных ответов на этот призыв уделять больше внимания уникальности регионов. Уникальные аспекты шире, чем просто экономические переменные, и включают социальные, политические и культурные элементы. Кластерная теория открыта для всех видов переменных и объединяет их таким образом, что оставляет достаточно места для изучения «диверсифицированных реляционных» процессов. Среди прочих, это был экономист Майкл Портер, который ввел понятие кластера, которое он определил как «систему взаимосвязанных фирм и институтов, ценность которых больше, чем сумма ее частей» [16]. Он использовал этот термин для того, чтобы подчеркнуть добавленную стоимость кластеров в процессе инноваций и экономического обновления:

Конкурентные преимущества возникают в результате тесных рабочих отношений между поставщиками мирового класса и отраслью. Поставщики помогают фирмам воспринимать новые методы и возможности для применения новых технологий. Фирмы получают быстрый доступ к информации, новым идеям и инсайтам, а также к инновациям поставщиков (...). Все эти преимущества усиливаются, если поставщики находятся в непосредственной близости от фирм, сокращая линии связи [19].

С начала 1990-х годов многие ученые работали с этой концепцией и внесли свой вклад в теорию кластеров. В содержательном обзоре литературы были обобщены три ключевых элемента в рамках использования кластерной концепции:

1. Компоненты кластера должны быть расположены в их географической близости;
2. Кластеры — это социальные сети, в которых осуществляется обмен информацией о технологиях, рынке труда и инфраструктуре;
3. Развитие кластеров определяется культурными аспектами, такими как институты, общие стандарты и ценности, благоприятный для бизнеса климат, сотрудничество и неформальные контакты [20].

Недавно в программном документе Европейской комиссии кластеры были определены как «группа фирм, связанных экономических субъектов и учреждений, которые расположены рядом друг с другом и достигли достаточного масштаба для развития специализированных экспертных знаний, ресурсов услуг,

поставщиков и навыков» [6]. В нашем собственном и альтернативном определении мы хотим расширить сферу охвата и лучше связать ее с (региональной) экономической историей. Поэтому мы определяем экономические кластеры как региональные интегрированные системы и/или географически зависимые сети сотрудничающих организаций, таких как предприятия, поставщики, институты знаний и правительственные организации. Географический охват кластера нельзя определить априори, поскольку это зависит от местных и региональных условий. Более того, кластеры действительно эволюционируют с течением времени, и поэтому их географическое проявление также может измениться. Определение и разграничение кластеров в конкретных регионах—это одна из проблем, которая должна быть изучена исторически.

Таким образом, кластеры быстрее и четче обмениваются информацией о новых возможностях. Кроме того, кластеры обладают хорошей способностью к обучению и могут действовать более гибко, чем компании вне кластеров. Это также относится к процессам НИОКР, которые могут быть организованы более эффективно и с меньшими затратами, когда учреждения в регионе сотрудничают. Сама концепция кластера также вызвала критику. В отличие от «однородных абстрактных» концептуализаций пространства, переменные экономического роста сложнее группировать в количественных моделях. Это делает теоретические концепции, такие как кластеры, уязвимыми для критики за то, что они слишком расплывчаты и слишком политизированы [8]. Кроме того, некоторые экономико-географы проблематизировали взаимосвязь между пространственной близостью и экономическим развитием [21]. По их мнению, связь между кластеризацией и экономическим развитием носит условный характер и зависит от регионального контекста, который часто меняется. Такая критика подчеркивает необходимость эмпирических исследований, которые показывают, как работают (или не работают) кластерные идеи. Историкам здесь есть что предложить.

Чтобы сделать эти идеи продуктивными для экономических исследований, мы можем изучить, как развивались отношения близости внутри городов, агломераций, регионов или даже внутри группы стран. С точки зрения кластерной теории можно было бы ожидать, что прямые контакты между отдельными лицами и организациями в конкретной области приводят к созданию атмосферы доверия и сотрудничества, тем самым обеспечивая пространство для открытых инноваций и общих объектов. Несомненно, Кремниевая долина сегодня является культовым примером этого [17]. Но в прошлом можно найти много других примеров кластеров. Иногда они развивались в результате случайных (историче-

ских) обстоятельств, но часто определяемые причины играли важную роль, такие как географические особенности региона, наличие квалифицированных рабочих, легкий доступ к новым знаниям о производственных процессах и т.д. Эти теоретические возможности достаточно интересны, чтобы связать их с экономической и социальной историей и исследовать, что может предложить концепция кластера.

Ученые в области экономики, географии и истории были озадачены вопросом о том, как и почему промышленная деятельность объединилась в определенных регионах. На теоретическом уровне французский экономист Франсуа Перру предложил свою идею «полюса роста», в которой крупная промышленность функционирует как двигатель экономического развития в пределах определенной области, поскольку такие полюса роста связывают комплекс взаимосвязанных видов экономической деятельности [7]. Шведский ученый Гуннар Мюрдаль работал над подобными понятиями. Его концепция «кумулятивной причинности» ввела мощную идею переплетения экономических видов деятельности, которые усиливают друг друга в рамках региональной производственной системы [9]. С 1950-х годов теории агломерации стали более уточненными.

Историки экономики также работают над региональным измерением экономического развития. С помощью сочетания количественных и качественных методов они пытались охватить динамику районов, расположенных между местным уровнем отдельных городов или городов и национальным уровнем государства. Британский историк экономики Сидни Поллард сыграл важную роль в историографии региональной индустриализации. В 1981 году он опубликовал свою книгу «Мирное завоевание», в которой он переосмысливает промышленную революцию как совокупность региональных процессов [23]. Поколение немецких историков анализировало промышленную революцию в своей стране с региональной точки зрения. В работе Хуберта Кизеветтера, например, регионы рассматриваются как двигатели роста [11]. Согласно Кизеветтеру, причины и последствия индустриализации можно объяснить только региональными сравнениями. Поэтому история должна сосредоточиться на развитии региональных экономик, сравнивать их друг с другом и тщательно изучать их взаимозависимость. Этот региональный подход был позже принят другими немецкими историками, которые также использовали экономические теоретические понятия. Эти и другие достижения изменили историческое понимание промышленной революции.

Тем не менее, хотя региональные подходы к экономической истории почти исключительны, объяснения

экономического роста и развития в основном сосредоточены на национальном или даже континентальном совокупном уровне. В историографии по-прежнему доминируют национальные сравнения экономического роста и институтов отдельных стран. Переход от аграрно-индустриальной экономики к экономике, основанной на знаниях, действительно открывает возможности для возрождения региональных аспектов экономической истории. Работа американского социолога Анны Ли Саксениан о Кремниевой долине вновь продемонстрировала, насколько полезным может быть изучение региональных экономик [2]. Однако социологи и экономисты — скорее теоретики, чем эмпирики. Иногда социологи и историки работают вместе и изучают взаимосвязь между технологическими инновациями и экономическим развитием [15]. Эти Междисциплинарные инициативы могут стать началом исторических исследований, в которых географический аспект является неотъемлемой частью аналитической структуры. В конце концов, все еще существует потребность в исторических исследованиях, которые могли бы более подробно объяснить взаимосвязь между экономикой, основанной на знаниях, и пространственным измерением экономической деятельности.

Причина, по которой такие исследования редки, может быть связана с недостаточным интеллектуальным обменом между историками и экономико-географами. Тем не менее, изучение, как экономической географии, так и истории может укрепить каждую дисциплину. Концепции и теории из области экономической географии могут вдохновить историков на постановку новых вопросов. Отвечая на них, историки могут предоставить экономико-географам эмпирические исследования, способствующие совершенствованию их теоретических представлений. Обе дисциплины в последнее время проявляют интерес к институтам, влияющим на экономический рост и спад. Поэтому точкой соприкосновения между ними могут быть социально-экономические и культурные аспекты (региональных) экономических процессов.

Джон Уилсон и Эндрю Попп внесли глубокий и провокационный вклад как в экономическую географию, так и в экономическую историю, тщательно изучив временные аспекты кластеров [1]. Согласно этим британским историкам бизнеса, экономические кластеры возникают не сразу, а развиваются с течением времени. Новые союзы между участниками и новые отношения власти являются результатом развития событий в рамках сети. Иногда сетям удается адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам, но иногда фиксированные интересы настолько доминируют, что процессы блокировки приводят к упадку экономических кластеров. Сила их исследования заключается в историческом по-

вестовании, в котором на первый план выступают различные варианты выбора различных действующих лиц. Их сравнительный подход обнажает переменные, влияющие на возникновение и развитие кластеров. Этими переменными являются, в частности, способность сети к обучению и экономическая структура кластера. К сожалению, отредактированный том и другие работы Уилсона и Поппа не содержат тематических исследований по агробизнесу. Литература по географическому измерению агробизнеса по-прежнему скудна и в основном написана с национальной точки зрения [3].

Однако междисциплинарный переход от концепций экономической географии к историческому изучению агробизнеса может привести к сложным перспективам. Одной из наиболее интересных тем для рассмотрения являются взаимоотношения между различными участниками пищевой цепочки. Первоначально фермеры были ключевыми участниками пищевой цепочки. Но после промышленной революции, когда они начали производить массовые товары для перерабатывающего сектора, фермеры становились все более и более связанными и зависимыми от других субъектов. Контракты, а также требования к качеству перерабатывающих компаний и правительства все больше определяли их сельскохозяйственную политику. Модернизация сельского хозяйства, сначала медленно, но после Второй мировой войны очень быстро, привела к появлению различных новых институтов, которые впоследствии стали сельскохозяйственными кластерами. Отношения между различными участниками становились все более сложными. Например: фермеры должны были занимать все больше и больше денег у (часто специализированных сельскохозяйственных) банков для финансирования новых инвестиций. Их локальная связанность является примером того, как кластеризация часто определяла и стимулировала развитие сельского хозяйства на местном уровне. Но правительство и его инициативы в области инженерии знаний также стали важным субъектом.

По аналитическим соображениям мы сосредоточимся в этой статье на взаимозависимости между тремя областями. Первая область — это экономическая сфера, ограниченная фермерами, с одной стороны, и пищевой промышленностью — с другой. Вторая область — это область знаний учреждений, таких как образование и лаборатории. Третья область включает правительственные организации. Отношения между действующими лицами в этих трех областях менялись на протяжении истории, но каким образом близость обуславливала их устойчивость? Хотя с конца XIX века агробизнес, по-видимому, является в значительной степени глобализованным сектором экономики, в котором глобальные игроки диктуют направление,

это также сектор, который черпает свою инновационную мощь из местных кластеров. Даже сегодня транснациональные компании (ТНК) в глобализирующейся агропромышленности имеют прочные (исторические) корни в локальных сетях. Методы промышленной переработки и экономическая глобализация стимулировали, начиная с конца XIX века, процессы концентрации и расширения производства в агропромышленном комплексе. В конкретных местах и регионах государство, предприниматели, а также институты знаний стимулировали создание, распространение и принятие инноваций. Пространственная близость способствовала не только циркуляции научно-технических знаний, но и более скрытым знаниям и навыкам, необходимым для агропромышленного производства [10]. Вопрос о том, как на самом деле функционировали (или не функционировали) эти отношения близости и как следует понимать развитие кластеров агробизнеса, нуждается в дальнейшем углубленном и сравнительно-историческом исследовании.

В этой статье представлен ряд исследовательских материалов, в которых концепция кластеров операционализируется в различных региональных тематических исследованиях агробизнеса в Европе (с акцентом на различные регионы Испании, Нидерландов и Швеции). Вместе эти материалы образуют ряд взглядов на взаимосвязь и географическую близость между экономическими субъектами, институтами знаний и правительством. Вклад Фернандо Коллантеса включает в себя всесторонний взгляд на молочную промышленность начиная с 1930-х годов. Анализируя переход от организованного капитализма (середина 1960-х - середина 1980-х гг.) до периода дерегулирования в Испании после 1986 г. автор уточняет преемственность молочных кластеров на севере Испании. Однако сильное вмешательство государства, приведшее к росту молочных кластеров в других частях страны, подчеркивает важность политического регулирования рынка. Еще один интересный аспект кластерных экономик затрагивается во вкладе Collantes. Хотя период организованного капитализма пошел на убыль после вступления Испании в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), молочные кластеры за пределами северной части страны сохранились. Средиземноморскому региону и Каталонии даже удалось подняться выше по «лестнице создания стоимости» по сравнению с Севером, что иллюстрирует важность инноваций и НИОКР как факторов размещения. Статья, написанная Рамонем Рамон-Муньосом, сужает географический охват, сосредоточившись на производстве оливкового масла в Южной и Западной Каталонии. Он делает два интересных замечания в своем вкладе. Во-первых, он раскрывает количественный способ определения экономических кластеров в прошлом. Во-вторых, он принимает кон-

цепцию «жизненных циклов» и применяет ее к кластеру оливкового масла, тем самым операционализируя важную концепцию для анализа непрерывности и изменений в экономической истории. Он показывает, как отдельные компании и предприниматели играли ведущую роль в адаптации к глобализированному рынку в течение десятилетий между 1890 и 1910 годами. Использование новых технологий, таких как гидравлический пресс, а также маркетинговых методов, было одним из движущих факторов этого процесса адаптации.

В статьях Марин Молема и Ива Сегерса исследуется сотрудничество между субъектами из нескольких областей общества. Оба вклада сосредоточены на взаимодействии между предпринимателями, частными и общественными организациями и институтами знаний в голландских регионах. Молема фокусируется на молочной школе как особом институте знаний во фризской молочной промышленности, который был создан в результате тесного сотрудничества между государством и экономическими субъектами, которые действовали в разных масштабах с различными ожиданиями друг от друга. Он интерпретирует дифференциацию нескольких ролей в рамках региональной экономической сети как процесс обучения, который был основополагающим для построения моделей сотрудничества между экономическими субъектами и государством в конце XIX века. Эти мультискалярные паттерны, как показывает Молема, являются результатом самого исторического процесса, который укрепил Фризский молочный кластер. Сегерс придерживается более общего взгляда на фруктовый сектор голландского Лимбурга. Он анализирует реакцию ряда экспертов и организаций на глобализацию и жесткую конкуренцию в период с конца XIX века по 1940 год. Он показывает, как предприниматели и правительство создавали совместные объекты, которые действовали в региональном масштабе, такие как аукционы и государственное садоводческое консультирование, чтобы реагировать на глобальную конкуренцию и стимулировать формирование регионального экономического кластера. Более того, он вкладывает процесс экономического развития в возникновение сетей знаний, в которых научные и экономические ноу-хау циркулируют между различными участниками кластера.

Последняя статья переносит нас на север Европы. Ларс Нистром анализирует производство сельскохозяйственной техники в Квануме. В этом регионе на западе Швеции сформировалась сеть инженеров, тесно связанных с практикой пахотного земледелия. Самое интересное, что Нистром обнаруживает, что конкуренция и недоверие были двумя силами, которые дали Квануму его динамическую мощь. Этот заключительный вклад также подчеркивает, что экономико-географические теории

не могут быть переведены непосредственно в социальную и экономическую историю без использования повествовательных навыков историка для иллюстрации связей между различными субъектами.

Выводы. Вышеописанные примеры подводят нас, наконец, к некоторым основным выводам. Мы начали эту статью с поднятия проблемы связности. Концепция кластера обеспечивает как теоретическую, так и методологическую основу для изучения его пространственных измерений. Все тематические исследования включают примеры региональных реакций на экономические изменения, вызванные технологическими сдвигами и/или глобализацией рынков. Старые и новые связи с другими региональными субъектами, стимулирующие таким образом кластеризацию экономической деятельности, способствовали адаптации к меняющимся условиям. В рамках кластеров решающую роль играли государство, предприниматели и организации, представляющие экономические интересы. Это особенно ясно видно в статьях о Каталонии, Фрисландии и Южном Лимбурге. Большинство ведущих субъектов кластера были частью истории территорий, тем самым напоминая нам, что движущие силы инноваций могут быть укоренены в региональных традициях. Подчеркивание роли социальных и культурных связей, однако, не означает, что кластерное развитие свободно от разногласий. В случае Фрисландии и Южного Лимбурга, но особенно в случае Кванума, мы находим ясные доказательства того, что конкуренция и споры также могут оказывать стимулирующее воздействие на эволюцию кластеров. Развитие кластера — это в значительной степени трудоемкий и организационный процесс, в ходе которого ожидания между несколькими участниками должны быть сформированы и изменены, согласованы и пересмотрены. Примеры Испании, Фрисландии и Южного Лимбурга подчеркивают значимость национального государства как посредника и стимулятора региональных экономических кластеров. Национальные правовые рамки и субсидии для общих объектов, таких как институты знаний, могут дать решающие стимулы для кластеризации.

Качественные подходы подходят для того, чтобы выделить наиболее важные субъекты и сделать соци-

ально-культурные отношения между ними более явными. Однако не следует пренебрегать и количественным аспектом. Экономическая история должна давать информативные представления о масштабах изучаемых нами явлений. Примеры того, как измерять региональные экономические кластеры, представлены испанской молочной сетью и каталонским кластером оливкового масла. С помощью статистических показателей, таких как численность занятых и объемы производства, можно измерить размер кластеров. Тематические исследования показывают, насколько плодотворным может быть сочетание количественных и качественных методологий. Будущие исследования должны быть направлены на такие комбинации и должны быть нацелены на улучшение количественных подходов с помощью новых идей из экономической географии, что уже было сделано несколькими экономическими историками [14].

Несмотря на эвристическую ценность кластерного подхода, мы не должны фокусироваться только на внутренней динамике экономических кластеров. Все тематические исследования показали, в большей или меньшей степени, важность внерегиональных связей. Близость выходит за пределы пространства, как это уже было выдвинуто критическими экономико-географами. Региональные изменения связаны с взаимодействием с субъектами и институтами вне экономических кластеров. При анализе эволюции кластеров следует учитывать эту многомасштабную перспективу регионального развития. Как и любая экономическая система, кластеры должны адаптироваться к (внутренним и внешним) изменяющимся обстоятельствам, обусловленным структурными экономическими преобразованиями, технологическими прорывами и, среди прочего, (геополитическими) сдвигами. Чтобы улучшить наше понимание таких адаптационных процессов, ученые должны больше вкладывать в теоретическую и методологическую рефлексию, а также пытаться понять факторы и обстоятельства, которые могут помочь прояснить (не)успешное развитие кластеров. Тематические исследования в этой статье дают, без сомнения, ценную информацию для дальнейшего изучения процессов кластеризации и региональной концентрации экономической деятельности в целом и в агробизнесе в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. A. Popp and J. Wilson, «Life cycles, contingency, and agency: growth, development, and change in English districts and clusters», *Environment and Planning*, 39 (2007) 2975–2992; J.F. Wilson and A. Popp (eds.), *Industrial clusters and regional business networks in England, 1750–1970* (Aldershot 2003).
2. A. Saxenian, *Regional advantage: Culture and competition in Silicon Valley and Route 728* (Cambridge 1994).
3. A. Tessari and A. Godley, «Made in Italy. Made in Britain. Quality, brands and innovation in the European poultry market, 1950–80», *Business history* 56:7 (2014) 1057–1083; S. Hamilton, «Agribusiness, the family farm, and the politics of technological determinism in the post-World War II United States», *Technology and Culture* 55:3 (2014) 560–590.

4. B. Benvenuti, «General systems theory and entrepreneurial autonomy in farming: towards a new feudalism or towards democratic planning?», *Sociologia Ruralis* 15 (1975) 46–64.
5. B. Johansson and C. Karlsson, «Knowledge and regional development», in: R. Capello and P. Nijkamp (eds.), *Handbook of regional growth and development theories* (Cheltenham and Northampton 2009) 239–225.
6. Commission of the European Communities, *The concept of clusters and cluster policies and their role for competitiveness and innovation: main statistical results and lessons learned*. Commission staff working paper SEC (2008) no. 2637, 5.
7. F. Perroux, «Economic space: theory and applications», *Quarterly Journal of Economics* 64 (1955) 89–104.
8. G. Duranton, «California Dreamin»: The feeble case for cluster policies, *Review of Economic Analysis* 3:1 (2011) 3–45.
9. G. Myrdal, *Economic theory and under-developed regions* (London 1957).
10. H. Collins, *Tacit and explicit knowledge* (Chicago 2010).
11. H. Kiesewetter, *Industrielle Revolution in Deutschland. Regionen als Wachstumsmotoren* (Stuttgart 2004). The German tradition within this respect is older, see for example: R. Fremdling, T. Pierenkemper and R.H. Tilly, «Regionale Differenzierung in Deutschland als Schwerpunkt wirtschaftshistorischer Forschung», in: R. Fremdling and R.H. Tilly (eds.), *Industrialisierung und Raum. Studien zur regionalen Differenzierung im Deutschlanddes 19. Jahrhunderts* (Stuttgart 1979) 9–26.
12. J. Bieleman, «Boeren werd agri-business — een synthese», in: J.W. Schot et. al. (eds.), *Techniek in Nederland in de 20e eeuw. Landbouw en Voeding* (s.l., 2000) 337–233; Y. Segers, J. Bieleman and E. Buyst (eds.), *Exploring the food chain. Food production and food processing in Western Europe, 1850–1990* (Turnhout 2009); L. Van Molle and Y. Segers (eds.), *The agro-food market: production, distribution and consumption* (Turnhout 2013).
13. J. Davis, *A concept of agribusiness* (Boston 1957); G. Sykes, *Poultry — A modern agribusiness* (London 1963).
14. J. R. Roses, «Why isn't the whole of Spain industrialized? *New Economic Geography and Early Industrialization, 1797–1910*», *The Journal of Economic History* 63:4 (2003) 995–1022; N. Crafts and N. Wolf, «The Location of the UK Cotton Textiles Industry in 1838: A Quantitative Analysis», *The Journal of Economic History* 74:4 (2014) 1103–1139.
15. M. Davids and K. Frenken, «Proximity, knowledge base and the innovation process. The case of Unilever's Becel diet margarine», *Papers in Innovation Studies* 7 (2015).
16. M.E. Porter, *On competition* (Cambridge 2008).
17. M. Kenney and U. von Burg, «Technology, entrepreneurship and path dependence: industrial clustering in Silicon Valley and Route 128», *Industrial and Corporate Change* 8 (1999) 67–103.
18. M. Kopsidis and N. Wolf, «Agricultural productivity across Prussia during the Industrial Revolution: A Thunen perspective», *Journal of Economic History* 72:3 (2012) 634–670.
19. M. Porter, *The competitive advantages of nations* (New York 1990) 103.
20. M.T. Martinez-Fernandez, J. Capo-Vicedo and T. Vallet-Bellmunt, «The present state of research into industrial clusters and districts. Content analysis of material published in 1997–2006», *European Planning Studies* 20:2 (2012) 281–304.
21. R. Boschma, «Proximity and innovation: A critical assessment», *Regional Studies*, 39 (2005) 61–74; R. Martin and P. Sunley, 'Conceptualizing cluster evolution: Beyond the life cycle model?' *Regional Studies*, 45 (2011) 1299–1318; B. Asheim, «The changing role of learning regions in the globalizing knowledge economy: A theoretical re-examination», *Regional Studies*, 46 (2012) 993–1004.
22. R. Capello, 'Space, growth and development', in: Capello and Nijkamp, *Handbook*, 33–52, 38.
23. S. Pollard, *Peaceful conquest. The industrialization of Europe 1760–1970* (Oxford 1981); Idem, «Regional and inter-regional economic development in Europe in the eighteenth and nineteenth centuries», in: P. Subacchi (ed.), *Debates and controversies in economic history. Proceedings nth International Economic History Congress* (1994) 57–92.
24. The connections and relationships between actors within agribusiness were analyzed and discussed during *Rural History 2015*, the international conference organized by the European Rural History Organization (EURHO) in September 2015 in Girona (Spain).
25. Y. Segers, «Food systems in the nineteenth century», in: M. Bruegel (ed.), *In the age of empire. A cultural history of food* (New York and London 2012) 49–66.

© Миндлин Юрий Борисович (mindliny@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»